

Алексей Зубов

Внеклассное чтение

16+

Алексей Николаевич Зубов.

Внеклассное чтение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51773296

SelfPub; 2020

Аннотация

Сборник историй, которые можно услышать, шагая по улицам города. На досуге.

Апрельские дороги.

Апрель – месяц перемен, месяц ручьев. Они, как маленькие реки, бегут вдоль кромок сугробов, деловито бурча, сливаются в потоки и зовут – «иди за нами!» В апреле середины дорог уже подсыхают, и по ним приятно шагать. Просто в «никуда». Дороги и перемены вообще «засасывают» – стоит один раз начать изменяться, и ты уже никогда не остановишься.

В апреле, обычно, у меня нету денег – странная примета весны – в этот, денег тоже не было, и я думал – к кому бы завалиться и перехватить немного. Деньги всегда были у Олега, но брать у него – как-то нехорошо. Мы друзья, а брать займы у друга – это откусывать кусочек острова. Можно так дооткусываться, что и острова-то не останется.

Но другие телефоны «молчали», и пришлось идти к Олегу.

Секретарша – она была новенькая – строго глядя на меня, сказала:

– Олег Арсентьевич, к вам Буров, по личному вопросу.

Олег вышел из кабинета.

– Привет, привет. Катерина, этот человек – моя правая рука в «левых» делах, запомни его.

«Шутник», – я пожал ему руку, и мы зашли в кабинет.

Я сел в дорогущее, но неудобное кресло и сразу приступил

к делу:

– Вот что, Олег, дай-ка ты мне тысяч несколько. Можно побольше – и надолго.

– Тебе не надоело? – начал он меня воспитывать, – как ты живешь – не понимаю. Ну взял бы денег на «дело», я бы дал. Сколько надо, столько бы и дал. Вон Никола, (это наш общий друг) – взял у меня полгода назад денег, открыл авто-сервис, теперь «поднялся». Недавно с Риткой на Канары летали. Коттедж строит. Ты же сдохнешь скоро. Возле помойки.

– Вместе с лучшей половиной народа.

– Не надоело еще быть «лузером»? Нет. Просто так я денег не дам. А чего ты не «бомбишь»?

– Я машину продал.

– Ну, и где деньги?

– Таньке Печерниковой отдал. Ей за ипотеку нечем платить.

– Идиот.

Машину я продал и не из жалости к Таньке, вовсе нет. Просто я почувствовал, что в машине я начал жить как в колбе – я внутри, а жизнь снаружи. В какой-то момент я даже почувствовал боязнь, что высунувшись из машины, я получу от Жизни по морде. Мне это было ни к чему, и я продал машину.

Мы молчали, а со стены на нас строго смотрел Президент. Хорошо, что Олег не начал о нем говорить, а то сейчас, хоть

о деньгах начни, хоть о грыже – все переводится на разговоры о президенте. Копаются себе мужик и копаются в государственных делах – может ему его работа нравится. Мне бы не понравилась. Я бы через месяц с ума сошел или повесился. Да и вообще, для меня интересны только два правителя – «дедушка Ленин», который со своими чекистами методично, село за селом, завод за заводом обезоружил всю страну, и будущий, который вернет оружие населению. Все промежуточные – просто пользуются ситуацией. Я как-то сказал об этом Таньке. Она всплеснула своими полными руками и так убежденно говорит:

– Так ведь мы перестреляем друг друга!

Добрая она, но дура невероятная. Вот идет она по улице, упала, (а она вечно падает – неуклюжая какая-то) – и надеется, что люди подойдут, спросят, не надо ли помочь, что, да как. А доведись этим людям оружие в кармане иметь – перестреляют друг друга. Так ты уж реши, кто они, твои братья и сестры – люди или дерьмо на палочке.

– Ты умеешь приколачивать доски? – неожиданно спросил меня Олег.

– А что там уметь – бери гвоздь, да забивай, ума много не надо.

– Ну-ну. Вот что. Деньги я тебе дам, но не «на руки» – переведу на карточку. А ты съезди ко мне на дачу, поживи там, и поработай. Вот именно – поработай. Общей нам с Ларой

«вагонкой» спальню. Ларе хочется спальню в русском стиле. Заодно, может быть, и поумнеешь. Вот ключи – согласен?

Село Брусяны, где была дача Олега, летом было живописным местом. Стояло оно меж двух невысоких гор, с дремучими сосновыми борами, в центре была речушка, теперь занесенная снегом по самые берега, так что мост казался лежащим на снегу. Здесь снег был чистым – не городским, и пока не таял, только у магазина уже была видна родная наша жидкая грязь. «Поглядим, чем здесь народ кормят-поят». Я открыл ярко-рыжую дверь магазина и зашел внутрь. За прилавком стояла продавщица – для такой дыры – удивительно красивая девушка, немного грустная, с привлекающе яркими голубыми глазами. «Что за «куст роз на ржаном поле?» Пацаны, наверное, с ума сходят. А мне сходить некогда, мне – доски приколачивать».

Я пробежался взглядом по полочкам и витринам. «Коньяк дорогущий, «вискарь», – значит, пьют жидкость для мытья ванн или самогон, хорошо, что у Олега есть бар. Все понятно. Ходить сюда – только за хлебом и спичками».

– Мне хлеба буханку, пожалуйста.

Магазин я посетил, топография села мне была известна и раньше. «Апрельскими вечерами

буду выть на луну или стихи сочинять», – думал я, отворяя калитку. Дом – собственно, дача -

был неприлично большой – я в него и заходить не стал. Как одному прожить спокойно вечер и потом спать в громад-

ном пустом особняке? Каждые полчаса бегаешь, как клоун, с фонариком в гостиную и спрашиваешь: «Кто тут?» Я прошел через заснеженный, пустой и скучный, как армейский плац, яблоневый сад, открыл другую калитку и оказался в маленьком деревенском дворике возле старящего домика. Но с собственными воротами и калиткой – третьей уже. Дворик был ограничен ветхим забором. Доски висели, поскрипывая, еле цепляясь за ржавые гвозди, через одну-две. Зато рядом – для опоры – была поленница дров, и я прихватил с собой охапку. Домик внутри был стильный и загаженный, но мне он нравился. Это был «мой» дом. Лара так и сказала – это дом Сереги, раз ему «там» нравится. В «конюшне».

Растопив печь, я сел за стол и, прихлебывая чай, стал слушать звук горящих дров. Взяв карандаш, я написал на бу-мажке – кажется, она была из-под селедки:

«Ты пришла ко мне прямо к ужину».

Дальше лезла рифма – «натужено». Рифма мне не нравилась, она была какая-то сортирная. Я стал мечтать о том, кто, собственно, пришла, да как выглядела, и тут в ворота кто-то постучал – довольно сильно – и даже толкнул их. Я пошел поглядеть, кого там черт принес.

За калиткой, возле ворот, стоял красавец – вороной, холеный и высоченный, каких я не видел, конь. Он был хорош. Просто королевский жеребец.

– Ух ты красавца, ух ты сказка, – сказал я, протягивая руку, и глядя коня. Конь потряс шеей, укусил себя за грудь и тихо

заржал. Мы постояли – я его гладил, а он рыл легонько снег правым копытом и потряхивал приятно пахнувшей гривой.

– Хочешь хлеба с солью, – сказал я коню, – а что стучался-то? Ладно, жди.

Я вернулся в дом, отрезал щедрый ломоть хлеба. Конь опять стукнул пару раз в ворота, правда, теперь, потише.

– Да иду, иду – вот ведь, нахальный какой.

Я отворил калитку. Коня не было, а передо мной стоял мужик лет шестидесяти с лицом, исполненным мольбы:

– Парень, водки нет у тебя? Спаси, Христа ради, помру ведь.

– Ну пойдем, спасу.

Мы зашли в дом. Я налил полстакана водки и поставил его перед мужиком.

– Не могу, – сказал он, трясясь, – взять не могу.

Я взял стакан, обошел мужика сзади и поднес стакан к его рту. У мужика стала бешено трястись голова. Я зажал его голову левым локтем и влил водку между лязгающих челюстей – половина пролилась ему на грудь. Помолчали.

– Давно пьешь-то?

– Третья неделя пошла.

Мужику становилось полегче. Я налил еще, и он выпил уже самостоятельно.

– Давай, хоть, познакомимся. Я – Сергей.

– Игорь Мохов, – сказал мужик. И спросил: – Дачник что ли?

– Нет. Поработать приехал. На недельку.

В дверь кто-то поскребся.

– Это Шарик – блудня – гони его, попрошайку, – сказал

Игорь.

Я приоткрыл дверь. Белый пес энергично махал хвостом и вежливо кланялся.

– Ну заходи, «блудня».

Пес зашел, улегся рядом со столом и принялся барабанить хвостом по полу. Я достал тушенку и кинул кусок мяса псу.

– Зачем ему мяса дал – не отвяжется теперь.

– Плевать. Значит, ты – Мохов. И много вас тут Моховых?

– Пол села. А другая половина – Костырины.

– Как же вы женитесь?

– Как – Моховы на Костыриных, а те на Моховых.

– И старое село?

– Лет триста есть.

– А продавщица в магазине – она из чьих?

– Верка-то? Верка – как раз Костырина.

– Красивая, но что-то грустная.

– А что веселиться с двумя детьми без мужика.

– Помер что ли?

– Дачу он строил банкирше. Тут, на берегу. Ну и ушел к ней насовсем. В город перебрался.

Проводив Игоря, я посмотрел на бумажку со стихом, и кинул ее в печь. Жизнь обещала быть интереснее, чем литература.

На следующий день я до обеда таскал доски из сарая на второй этаж, в спальню Олега и Лары, и упахался, как таджик. Особенно изматывало бесконечное подметание и подтирание – с досок сыпалась труха и опилки, а по полам Олега ходят босиком. К обеду – надоело.

Я никогда не смогу жить той правильной жизнью, которую предлагает Олег – вкалывать по десять часов в сутки, а потом нажираться вареной колбасы и весело пердеть, глядя «Камеди Клуб». А в это время на деревьях будут распускаться почки – без моего участия. Неравноценный обмен.

Я вернулся в свой старенький домик, сварил кофе и вышел посидеть с ним на крылечке. Было солнечно и тепло. С крыши лилось, а голубой воздух покачивался от пара. Из-за забора донеслись крики – мужской и женский голоса. Я подошел к забору и через «лауну» стал наблюдать за происходящим. Мужчина и женщина бегали по огороду и громко спорили:

– Морковь, я тебе говорю, тут морковь, а там редиска!

– Не нужна мне там редиска! Сей, где хочешь свою редиску – там морковь!

Позади возвышался суровый каменный дом, рядом стоял «Ленд ровер».

«Теперь кофе не попьешь – визгу будет до вечера».

Я хотел уже уходить, но тут женский голос стал испуганным:

– Помогите!

«До убийства морковь довела». Я вернулся к забору. Мужчина лежал рядом с забором и хрипел, женщина бледная от страха смотрела на меня.

– Что «помогите» – «скорую» вызывайте.

Она убежала в дом. Во двор зашел вчерашний мой гость – Игорь Мохов вместе с Шариком, конечно. Поздоровавшись, он поглядел на лежащего.

– «Инфарт микарда» у него, рожа вон какая синяя.

Со стороны дома к нам подходили двое узбеков, видимо, работавших внутри особняка.

– Ребята, – обратился я к ним, – вы бы его на одеяле, что ли, отнесли к дороге, куда «скорая» подъедет. А то здесь «ласты откинет», и будет у меня под забором вонять.

Мы с Игорем и Шариком пошли в домик.

– Вот, – сказал Игорь, кладя на стол большой сверток, – тебе – за вчерашнее.

Я развернул – там лежал кусок сала, ароматно прокопченного. Шарик стучал хвостом.

Глядя на сало, я вспомнил своего друга – Денисюка. Если свидимся когда – много придется горилки выпить.

– Хочешь на «глухаря» сходить? – спросил Игорь, – Тут недалеко. На Рябиновый ключ.

– Да хорошо бы, только ружья нет.

– Дробовик-то я дам.

– А может, без ружей сходим – просто поглядим?

– Как без ружья в лес – не ровен час, встретишь кого.

Неделя прошла, и мне позвонил Олег.

– Привет, как ты там? Тебя Стелла потеряла: «Где Сережа, где Сережа». У нее сегодня день рождения – тебе надо быть. Что ты на ней не женишься – торчал бы при ее салоне красоты, раз сам инвалид.

– Я подумаю. Забери-ка меня отсель. И привези «доспехи» какие-нибудь – у меня штаны рвутся. И роз букет.

Олег приехал на «Феррари» с цветами и костюмом. Мы осмотрели спальню.

– Стиль «ля рус».

– Вижу.

– Давай еще в магазин заедем – дело есть маленькое.

Мы зашли в магазин – два джентльмена, нога в ногу, плечо к плечу. Строгие костюмы впечатляли. Покупатели расступились. Я положил розы на прилавок и сказал голубоглазой Вере:

– Вы очень грустная и красивая. Вы обязаны быть счастливой.

Я взял ее холодную руку и поцеловал ей пальцы. Мы развернулись и ушли. В машине я спросил у Олега:

– Я – подонок?

– Почему? Подарил девушке мечту. Ей, наверное, никто в жизни руки не целовал.

Через год, это был опять апрель, я брел по улице – мне погудели. Олег на «Феррари» притормозил и высунулся из

окна:

– Привет, куда пропал?

– Привет. Никуда. Что нового. Как дела на даче в Бруссянах. Помню ее. Как там Игорь Мохов, как Вера – продавщица.

– Игорь умер – рубил баню, и оторвался тромб. А Верку любовник зарубил топором – она что-то в город решила уехать, – приревновал.

– Слушай, дай-ка мне займы.

Он порылся в бардачке, и, протягивая мне деньги, сказал:

– Скоро сдохнешь у помойки.

– Спасибо.

Он уехал, а я шел по апрельской дороге и думал, что хорошо бы съездить в Брусяны и сходить на глухариное токовище. Шарик-то наверняка живой. Да, съезжу – а то, когда еще соберусь.

...

Рождение Богини.

Я очнулся от фантастически-болезненных грёз (они ядовито разрушают меня, они тихо, как старые ведьмы Макбета, превращают меня в амёбу) под гордые, призывные удары колокола – Набат! – я тотчас обернулся к жизни. Сосед сверху, с которым у меня чуть деловое и, скорее, даже шапочное знакомство (мы как-то случайно опохмелялись вместе

одним прохладным майским утром – помню, было пять утра по-московскому – но он остался в том блаженстве навсегда, а я соскочил), бил старой пудовой гирей в милый, такой до сантиметра изученный и почти лишенный штукатурки, мой потолок – очевидно, была новость.

Я подошел к окну (когда-то кое-кому – но, надеюсь, не мне! – его придется мыть), с треском рвя наклеенные на мыло газеты, открыл ветхие деревянные створки (я не меняю окна – мне жаль сказки: пластиковые окна не дают прогреть в ледяном пятне дыхания пальцем дырочку, и подглядывать за таинственным зимним двором), и свесился через трещиноватый подоконник вниз – там уже виднелся юно-черный, перезимовавший тротуар.

– Весна, кажись, наступила, – сообщил сосед (он обильно употребляет ненормативную лексику, я перевожу), – чуешь ноздрями-то?

Я чуял.

Да, это был прозрачный, голубой ветер метаморфоз (Вы, острословы, знаю я Вас! «Голубой ветер» – никакого подтекста, мы же художники – я и макнул кисть в голубую краску), ветер, срывающий старые маски, декорации и продувающий мозги от пыли и затхлости.

Зима уходила, и старый Бог («брателло», как называл его ошкочурившийся этой зимой приятель – ох и намучились мы мерзлую землю долбить, когда прикапывали, уж потом, когда по сто грамм за упокой души тяпнули, Боря-боцман ска-

зал, как раньше на флоте хорошо было – привяжут чушку к ногам, в мешок и в воду – океан всех примет), да, Бог оставил меня еще немного покаяться, не прибрал; Бес, видимо шибко занятый вытряхиванием вшей из старого тулупа, не свел с ума; следовательно, с присущей его организации гуманностью, не стал расшатывать мне передние зубы: и даже Марья Ивановна Чердыкина (женщина строгого ума и крайне правых политических взглядов) не «повыцарапала» мои наглые, бесстыжие глазенки.

Я вдохнул этого животворящего ветра и снова ощутил любовь к людям; я снова ощутил потребность дружить и ссориться; спорить и соглашаться; читать милый лепет юных и мудрые советы старших; я заново открыл классиков; я склонил голову перед наукой – да, я изменился – мои прежние кожа и мясо спали, как ветхие одежды, и новая, незнакомая еще плоть звала к новой жизни. К новым трудам.

На площадке третьего этажа элитного дома, дежуривший уже около часа охранник с лицом озабоченным, как у хирурга, увидавшего в брюшной полости пациента дополнительную работенку, услышал в рации хриплое: «Выходим». Он мгновенно передал охраннику, осторожно озирающему улицу: «Готовность первая». Все поднапряглись. Дверь квартиры -

это была весьма неплохая многоуровневая квартирка, даром, что не пентхаус (кстати, зимний сад на крыше к ней

примыкал), – распахнулась, и сам Антон Басов – ничего себе, да? – в расстегнутом пальто, без шляпы решительно вышел наружу. Басов был почти олигархом, но маленьким, можно сказать, олигархеночком или олигархиком (вот язык! – не дает олигарха уменьшить). Он молодецки побежал вниз по ступеням – охранник, как барс скользил следом – двери подъезда распахнулись будто сами, и Антон Сергеевич буквально выпрыгнул во двор, к стоящему «Шевроле Корвету». Как красивы были эти люди! Каким приятным мужеством светились их утомленные бизнесом лица! Как точно, со вкусом был подобран их гардероб! Я всегда благоговел перед аристократией – носительницей манер и примером для подражания.

Но день был так по-весеннему мил, так детски свеж, что Антон Сергеевич на секунды замешкался (нет, чтоб сесть в этот «Шевроле», да и укатить, и пришлось бы тогда, как Пришвину, ручейки описывать), зачем-то замер возле открытой двери автомобиля, потянул носом талый воздух. Ну, и получил. Порыв ветерка-шалуна (нарочно больше не буду употреблять слово «голубой» – и так, наверное, я многих раздражаю) подхватил лежащий на асфальте мокрый полиэтиленовый пакет с бесстыжей фотографией какой-то кинодивы, и вклеил его прямо на плечо Антону Сергеевичу, прямо на новое пальто. Пальто такие раньше шили из «шевиота», а сейчас и не знаю из чего, но дорогое что-то.

Басов был с детства брезглив до визга пороссячьего – упа-

си Боже, если нянька откусит, пробуя, мягка ли для детских зубиков, конфету, или волосок кошачий в рот попадет (кошечек мама Антона очень любила) вместе с супом – а как не попасть? «Стёпа такой важный, ну никак со стола не согнать. Проказник пушистый».

Брезгливость и бизнес выработали у Антона умение быть решительным и быстрым. Он мгновенно снял новое пальто и швырнул его куда подальше. Сел в шикарное авто и уехал – охрана следом на своем джипе. А нам все они больше и не нужны – главное дело – пальто.

Оно пролетело, расправляя рукава, метров десять и распласталось на груди мужчины лет тридцати с лицом, выдававшим легкое скольжение мыслей и любовь к приключениям.

Мужчина, хоть и обладал авантюристической внешностью, одет был неважно. Рубаха его была чиста, но вот вязаный жилет казался уже староватым, а ботинки были просто «фу,

где такие выдают – на киностудии?» Получив из воздуха новое пальто, мужчина мигом накинул его и, убедившись, что пальто пришлось впору, удовлетворенно зашагал дальше по своим делам – интересно, каким? Дела привели его на одну из центральных улиц, где вдоль мытых с порошком тротуаров тянутся обольстительные витрины бутиков. Одна из витрин привлекла внимание мужчины – внутри молоденькая

девушка одевала манекены. Мужчина остановился, и некоторое время с интересом наблюдал за девушкой.

– Игра в куклы древнее шахмат, а развивает не меньше и тоже приносит свой гешефт, – наконец произнес он вслух. Он был из тех, кто любит разговаривать сам с собой. И постучал в стекло витрины.

Оля Перминова – та, которая второй месяц работала в бутике «Кокет» продавцом обуви, та,

что мучилась сейчас с облачением манекенов, которая только что услышала от старшего менеджера: «убрала сейчас же этот барный макияж», а в ответ процедила: «кошелка старая»,

– Оля оглянулась на стук и увидела симпатичного, по-доброму улыбающегося мужчину, который ей жестами показывал: «пусти к себе». «Зачем, интересно?» – подумала Оля и вышла через узенькую боковую дверь на улицу.

– Ради Бога, извините, – мужчина был застенчив, но авторитетен, – я только хотел вам сказать – в Риме для облачения манекенов используют специальный крем.

– В Риме?

– Да, но мы, в нашей дизайн студии используем обычное мыло – я могу показать.

Они вместе зашли внутрь витрины и, действительно, костюмы спустя мгновение были ловко одеты умелыми руками незнакомца – здорово!

– Спасибо, вот выручили! – искренне благодарила Оля важно кланяющегося незнакомца.

– А уж как вы меня, – ответил он и пошел дальше.

Оля закрыла витрину, и никто (чуть ли не месяц) не замечал, что у одного манекена спортивный костюм для гольфа плохо сочетается с туфлями а-ля Чарли Чаплин.

Так удачно разделавшись с неприятной работой, Оля забилась в уголок бутика – благо, посетителей как будто не предвиделось – и вернулась к чтению увлекательной истории. Она

скачивала чтиво с пиратских сайтов, женской интуицией справедливо угадывая неоспоримую истину: творение человеческого духа, как вода в реке, принадлежит всем жаждущим бесплатно. (Я, грешным делом, полез в электронные издания, надеясь «подтянуть штаны» – ну дурачок, что еще скажешь.)

История, которую читала Оленька (можно Оленька? Она такая славная девушка), была о – а лучше вот что. Лучше я вам ее расскажу.

В Пензенской области, а именно в селе Тютюняры, проживало два фермерских семейства -

Петуховы и Уткины. Семьи были старинные, с хорошими традициями и породой хороши:

Петуховы были сплошь брюнеты-красавцы, а Уткины –

блондины и тоже видные очень.

Хозяйства у каждой из семей были огромные, дел делалось и тут и там уйма – одного не хватало – любви между главами семейств Петуховых и Уткиных не было, а была не вражда, не война, а глухая напряженность.

– Марусь, – говаривал за обедом Петухов-отец, – случись что, я этому Уткину глаз вышибу.

И важно набирал ложкой наваристые щи.

Маруся опускала огненные глаза.

– Люба, – говорил порой за обедом Уткин-отец, – а ведь доведись такое дело, я этому Петухову ноги с корнем вырву.

И макал в «маковницу» толстенький пельмень.

Люба отворачивалась волшебным профилем к окну.

Ага, вы, наверное, догадались, что тут дело «не чисто» – какая-то тайная связь существует между юными членами фермерских семейств, но речь не о том.

Как-то, когда главный Петухов отдыхал, сидя на старом тракторном колесе, к воротам его усадьбы подкатил грузовичок Уткиных, и сам Уткин-главный вылез из кабины, присел два раза, разминая ноги, и стукнув громко в калитку, взошел на двор.

Главы враждующих кланов сдержано поздоровались. Постояла пауза – Петухов ждал.

– Слышь, сосед, – наконец открыл цель своего визита Уткин, – не возьмешь ли навоза у меня?

Много больно.

Сердце Петухова тревожно забилося – навоз был ценность.

– А что возьмешь? – равнодушным тоном спросил он.

– Да вот хоть помидоры. Помидоры у тебя хороши.

Сделка была заключена к обоюдному удовольствию сторон.

Навоз в невероятных количествах стал поступать на ферму Петухова, взамен на ферму Уткина шли отборные помидоры. Из помидоров делалась паста, лечо и прочие вкусности, навоз хранился в высоких кучах – перепревал. Торговля, как известно, способствует и дружбе. Дружба не дружба, но отношения между соседями стали не такими напряженными,

что, дескать, «ноги вырву», и, получив новую порцию навоза, Петухов покобенился немного, да и отдал Марусю за Уткина-младшего.

– К сватам жить ушла, – говорил он знакомым, – к свекру. Ну, так и по-людски, по-русски.

Вдруг, неожиданно, Петухов-младший объявил, что женится на Уткинской дочери, и они будут жить у тестя с тещей!

– Сын, – с тихой яростью говорил Петухов, глядя на свои сапоги, – я для кого стараюсь? Я для кого столько навоза набрал? Как же ты?

– Ну не может «она» запах этот переносить – тошнит.

– Она это она, а ты? Тебе-то он родной – свое-то дерьмо

вкусно пахнет.

Но сын со снохой ушли жить к ее родителям.

Усадьба Уткиных стала шумным, веселым местом, где жила молодежь, цвели клумбы с цветами, и меж берез болтались деревенские качели. А у Петуховых тоже было неплохо – одно мешало, из-за гор навоза пройти негде было. Но Петухов старший вслух мечтал:

– Вот внучата родятся, еще поглядим, какого дедушку они больше любить будут. «Помидорного» дедушку или который с навозом. Петуховский навоз – это сила! А у тех что – цветочки. Куда им с «культурой» против навоза. Смех!

Я случайно заглянул дальше – оказывается, Оленька читает роман! Я так много ни читать, ни писать не в силах – наступают жуткие головные боли, так что прервем эту линию.

Да и тема непонятная – при чем тут навоз? Вот я давеча возвращался с рыбалки (просидел на льду три часа – хоть бы одна поклевка!), и встретил Огонькова – он прямо с ума сходил от радости. «Что случилось-то?» – говорю, а он: «Счастье привалило!» и какую-то зелененькую бумажку мне в нос тычет. «Нашел, – говорит, – под скамейкой, когда мусор прятал». А на льду пока сидишь, люди разные, тоже рыбаки, подходят, интересуются успехами, ну и наливают, что прихватили, так что зрение к концу неважное становится. Я говорю: «Билет что ли, в театр?» Он посмотрел, как на придурка и ушел. Я подумал – кому ведь что дорого, то и ценность.

Да, а что же тот незнакомый нам пока что мужчина? Куда он направляется? Вот куда.

Незнакомец подошел к вращающимся, стеклянным дверям офиса крупной холдинговой компании и остановился кого-то поджидая. Люди, проходящие в двери, пристально им разглядывались, но чем-то, видимо, раздражали – он недовольно морщился. «Что за неуместное веселье», – бормотал он. Наконец, одна пара посетителей его удовлетворила (может быть выражением лиц? Лица у обоих были чопорные, как у профессионалов ведущих похоронные обряды) – он добродушно улыбнулся и, пропуская их вперед, зашел следом. Внутри сектора, ограниченного вращающимися створками, незнакомец как-то неловко наступил одному из этой пары на пятку, да так, что сдернул туфель. В это же время они вышли в холл и прошли мимо секьюрити – незнакомец впереди, а те двое сзади. Один (и все-таки с каменным лицом!) подпрыгивая, поправлял туфель и привлекал внимание.

– Я не буду снимать пальто, меня подзнабливает. Вы можете раздеться там и присоединяйтесь, – небрежно сказал он немного ошарашенной парочке, затем, не глядя на секьюрити, прошел к лифтам и уехал.

Весенний ветерок мягко проскользнул через двери и разметал бумаги с фамилиями приглашенных на важное собра-

ние по стойке секьюрити.

– Кто это? – осторожно спросил охранник, собирая бумаги и проверяя документы у как бы «сопровождающих».

– Это большой любитель наступать на пятки, – желчно сказал «потерпевший» посетитель,

– банкет по поводу слияния тех-то и тех-то на шестом этаже, я правильно понял?

Охранник информацию подтвердил, потом подумал и озвучено передал по рации: «На шестом этаже усилийте наблюдение, кажется, «гость» пожаловал». А сам решил посмотреть видеозапись с незнакомцем. Черт!

Камера, снимающая вход, оказалась отключенной.

Надо немного рассказать об этом охраннике. Звали его Петя, хотя по годам пора бы уже было именоваться и Петром Ивановичем. Петя попал в охранное предприятие по очень простой причине – с шестнадцати до двадцати пяти он выступал на соревнованиях по самбо, с двадцати пяти до тридцати он отбывал срок за хулигански-разбойное поведение, потом он некоторое время делал чистые документы и работал таксистом, а к сорока полностью созрел для работы охранником. Чем он будет заниматься с пятидесяти – ответ знают наши мудрые экономисты, так точно прогнозирующие непрекращающиеся убытки. Вот грустная специальность! Цыганки хоть иногда обещают удачу.

Так. Давайте-ка попьём кофе, и я продолжу.

На шестом этаже делового небоскрёба «Итака» в громадном, исполненном в мраморе и дорогушем Рижском цветном стекле зале, приспособленном под проведение различных бизнес церемоний (там был и стол-фуршет, и маленькая эстрада с негромким джазовым трио (лысенький ударник неплохо щеточками работал), и фонтанчик с мраморными лавочками-бортами, и вазоны с цветами, за которыми прятались те, кто не любил элегантного общества, но присутствовать вынуждала должность) проходила начальная часть (а это речи, речи) слияния двух медиа-холдингов – «Нью фо ю» и «Нью фо ол».

Предполагалась покупка большого пакета акций ведущими менеджерами (если вы не знаете, объясню, что акции тут же можно и нужно было продать по рыночной цене, положив разницу в карман), и шепотом передавалось, что Петр Ильич перед этим любезно вручит каждому менеджеру по толстенькому конвертику с некой суммой, а после «опциона» эту сумму неплохо бы перевести на указанный внизу (для ту-поньких – они и среди топ менеджеров попадают) счет на Кипре. Как пожертвование для больных чахоткой. Словом, загадки, тайны и недомолвки. Почему сам Петр Ильич не относил всю сумму, весь чемодан с «рваными» в банк, и не отправлял куда хочется – не нам судить. Может, просто не хотел, может, любил долгие увертюры.

Анна – да, наконец-то героиня, притом настоящая, а не Оленька из бутика – иронично разглядывала гостей, машинально ставя каждому «оценку» по девичьей шкале «смешной-никакой-классный» (мне очень нравится такой тип женщин, а иначе, зачем бы я сделал ее героиней?) – она работала помощником редактора сайта «Женские бирюльки», и тоже была в числе приглашенных.

Это была вполне симпатичная брюнетка, лет тридцати или около того, уже с той характерной грустью в глазах, что селится у всех женщин, переживших влюбленность, любовь, развал любви, её возрождение и мечтательную безнадежность придуманного счастья.

– Здесь полным-полно образчиков для карикатур, – услышала она за своей спиной хрипловатый мужской голос – очень странный, вызывающий незнакомый, но приятный холодок в пояснице. Она обернулась. Ей улыбался одним уголком рта мужчина – наш незнакомец. Анна легонько улыбнулась в ответ, но ничего не сказала. «Мы незнакомы, а он, наверное, из «ведущих» – одет хорошо, и ведет себя уверенно – «покоритель одиноких женщин», кстати, а ты – ты уже одинока или нет еще?».

– Я предлагаю не знакомиться, – продолжал мужчина, очевидно обращаясь к ней, – в общении с незнакомым есть бездна прелести – занятно ведь сделать что-нибудь необычное, даже чуть криминальное вместе с человеком, которого

вовсе не знаешь.

Анна снова обернулась (это была простая реакция на реплику) и посмотрела в глаза незнакомцу. Он тоже смотрел на нее, но не в зрачки, а на переносицу.

– К тому же, – продолжал незнакомец, – «незнакомство» питает мечту о случайном знакомстве – мы же все этим больны, годами ждем.

– Тогда давайте не знакомиться, – Анна ответила. Зачем? Дурочка. Нельзя было этого делать! Ее голос, мягкий и нежный, был пойман, окунут в яд любопытства и потек обратно к ней уже «его» голосом. (Холодок всё возрастал – теперь уже щемило сердце, как на вершине «американских горок».)

– Тогда, прекрасная незнакомка, – Анна смотрела в его зрачки, и те казались ей почему-то квадратными. «Вот странная игра света, он как бессмертный даос», – обменяемся разгадками

невинных тайн: я покажу вам, чего в реальности стоят все эти люди, и ваш Петр Ильич в том числе, а вы покажите... кабинет главного редактора – я коллекционирую интерьеры офисов.

– Вы дизайнер?

– Конечно, я улучшаю реальность.

«Глупо как-то, а что бы ни сводить, не показать? Но ведь мы уже идем к кабинету главного. Он что, гипнотизер? А если он возьмет (что за слово мерзкое!), возьмет – что возьмет, кого возьмет. Меня возьмет».

На долю секунды она представила «это», и вдруг поняла, что нисколько, с каким-то бесовским злорадством не боится «этого».

Анна испуганно оглянулась. Незнакомец дружески улыбался:

– Приключения всегда пугают, но без них жить не получится. Получится, как в скверном переводе, «Быть».

«Ты же сама ждала чего-то, вот и лети». Анна открыла дверь кабинета и, пропустив незнакомца внутрь, закрыла ее за собой. Они были одни в замкнутом пространстве.

Еще очень многого не сказано, знаю. Не сказано, покрашены ли ногти на ногах у Анны и сами ноги – стройны ли? Ты, давай, сделай так, чтоб стройные были! Волосы у нее что – кудрявы или прямые, а нос какой? С горбинкой, прямой или вогнутый? Лифчик удобный или нет, и кто фирма производитель. Да, наконец, кто ее родители, кто ее воспитывал, в конце концов? А этот незнакомец – он-то кто?

Но если говорить обо всем – легко можно докатиться до фраз, типа: «Эни-бэни-ряба». И начать пускать ртом пузыри.

Теперь хорошо вставить описание среднерусской природы, а для того надо погулять. Делаем паузу.

...

Разговоры о погоде – единственно допустимы в мало-мальски респектабельном обществе. Немногие достигли

того аристократического совершенства, что и разговор о погоде становится излишним – они, эти образчики хороших манер, лишь обмолвливаются фразами: «Как вы, ничего?» – «Ничего, благодарю вас», и удовлетворенно молчат. Им хватает. Правительству, однако, следует ввести в школьную программу предмет: «Разговор о погоде в обществе». Многие слишком остро безграмотны в этом вопросе, даже дики. Я встречаю знакомых, вернувшихся с толстыми чемоданами сувениров из Италии: «Как там, что за климат?» – «Прелесть!» Я встречаю прилетевших с лопающимися сумками из Вьетнама: «Что там? Климат-то как?» – ответ тот же хамский, болезненно царапающий душу мою русскую: «Чудный климат. Рай на земле». Ну разве так можно. Следует легонько, с иронией пожурить климат соседей (упомянуть, например, мух), похвалить (хотя бы за то, что учит терпению – а это качество благородное!) наш, отеческий, и заодно припомнить какой-нибудь необычно смешной, сильный снегопад в июне или дивную грозу в январе – вот вам и тема для разговора, вот и вечер скоротали!

Незнакомец, несомненно, имел хорошую школу – пройдя в центр кабинета, он потянул носом редакторский воздух и сказал:

– Мало, слишком мало весны.

– Здесь кондиционер, хотите, я включу? – предложила

Анна. «Что мы будем делать, и когда?»

– Это машинерия, а хочется подлинного. Надо проветрить – без кислорода и приключения в тягость.

Незнакомец вел себя, словно старый маг – он и не смотрел на Анну – она была ученик, не более.

Окна (они были огромны – от пола в потолок) угрюмо смотрели на двух людей, как твердые, затемненные преграды между миром интеллектуального бизнеса и реальным миром.

– Для таких случаев я ношу с собой карандаш стекольщика – старинное изобретение человеческого гения, – незнакомец вынул из кармашка и показал Анне маленькую коричневую палочку, – я вас прошу, помогите – брызните из того вон пульверизатора, по моей команде.

Анна послушно взяла цветочный пульверизатор (главный редактор обожала цветы, особенно

настурцию – старая закалка!), а незнакомец нарисовал на оконном стекле большой круг, перекрестил его двумя линиями, приклеил к стеклу скотч (скотча в кабинете хватало) и, поднеся зажигалку к кругу, поджег его! Да, нарисованные круг и крест горели.

– Брызгайте, – раздалась властная команда.

«Что я делаю – это же преступление», – мелькнуло в голове у Анны, и она брызнула. Раздался звук: «Чпок» – и куски стекла были вынуты из отверстия и аккуратно сложены вдоль стены.

Свежий ветер тут же ворвался внутрь, туда, где его не было очень давно – последний раз он был тут, когда «оконцики» перед последним стеклом допили «чекушку», швырнули ее вниз на горы строительного мусора и, вздохнув, взяли за ровно чугунную фрамугу, присовокупив: «С Богом, заткнем и это».

– Нас накажут, – сказала Анна не думая, окунаясь в этот замечательно пьянящий ветер оживления, ветер пиратов и королей.

– Если наказание неизбежно, то да. Но ведь мы вводим свои правила – хотите?

Голос незнакомца уже был голосом её воли, её тайных желаний, того, о чём и мечтать-то страшно, а мечтается.

В круглое отверстие с тихим клекотом влетел вертолёт и мягко опустился на редакторский стол.

– Тут кое-какой инвентарь – глупо, согласитесь, таскать инструменты мимо охраны. Охрана часто неадекватна.

Незнакомец отцепил от вертолёта пакетик, потом подошел к стене, отделяющей кабинет редактора от соседнего, и легонько постучал по ней. Звук был музыкальный, не бетонный.

– Хорошо нынче делают стены, – заметил он, – дошло, наконец, что все стены – это декорации, и их нужно иногда трансформировать.

Он достал обычный нож, с размаху воткнул его в стену

и, двигая им, наподобие консервного, стал выбирать в стене щель.

– Вы вор? – тихонько выдохнула Анна. «Он вор, а я воровка – чудный финал карьеры».

Незнакомец насмешливо посмотрел на нее.

– Нет, это не моя специальность. И потом кража предполагает наличие собственности -

ценностей, которые принадлежат личности или нескольким личностям. А вы только что сказали, что здесь нет ни личностей, ни ценностей.

– Я разве говорила, – Анна осеклась. «Но ведь подумала».

– В таком тревожном состоянии, я вас к сейфу не поведу.

«К сейфу – значит, мы воры, но он сказал, что нет. Он не лжет мне. Я даже не думаю позвать охрану, почему мне так странно хорошо, я хочу продолжения, Боже, как хорошо», – у Анны мир кружился, кривлялся и хохотал, как цирковой паяц.

Незнакомец отвалил кусок стены, и получился удобный лаз – как раз для проникновения в кабинет... А! Кабинет-то был Петра Ильича – шутите! – и в нем стоял сейф, а в сейфе... И нам бы хватило, и еще поделились бы с соседями – и им бы хватило.

– Вам слишком мешает воспитание, вас изуродовали в детстве – отрезали крылья.

– Мама с папой любили меня, любят...

– Те, кто любит, глаже и причесывают. А «лишнее» со-

стригают. Мы все любим «куколок». Вас наверняка баловали.

– Нет.

– Значит, сильно баловали.

Незнакомец смотрел на нее – опять на переносицу – и казался вдруг постаревшим.

– Я вижу девочку лет трех, крутящуюся возле стола взрослых: «Я тоде кацю, дате, подалута это ... – Анэтта, ты не будешь «это» кушать. – Буду. Дате... Нет, не кацю» – и кладет «это» изо рта на стол.

Ваша семья была старинной интеллигентной семьей, семьей, которую счастливо миновали гонения, которая хранила дух Чехова, Пушкина – всего, что, казалось, смыли революции, войны, и бессмысленное экономическое соревнование с соседом, у которого козырей в рукаве, как у дурака фантиков. Вы считаете себя аристократкой. Жаль. Аристократия – это маленькая толпа, это элита большой толпы, но психология та же: страх и ненависть иного, требование равенства, а значит, коллективная нищета в душе. Немногие, нынче таких и нет, выбрали нищету добровольно, большинство нищенствует принудительно – отсюда беспощадная жестокость наших нравов. Жестока толпа, жестока элита – вам стоит узнать одну легенду.

«Как он узнал мое имя?» – подумала Анна и погрузилась в легенду.

Легенда о Желтой реке.

Юноша из порядочной семьи, семьи давно не обремененной пошлой заботой, как и где зарабатывать – на семью «работали» семейные деньги, любил, чтобы время шло весело. Для созидания веселия он содержал (давал займы и не требовал возврата) двух друзей – у тех денег было гораздо меньше, а это стимулирует мозговую деятельность. Один усиленно придумывал приключения с погонями на авто, второй специализировался на девушках. Девушек, таких, как на обложке «Максим» (внешне, а внутренне не знаю, да есть ли там внутренности?) привозили к бассейну, к столикам с фруктами, к музыке – и ласково предлагали стать одалисками в этом демократичном гареме.

Мягкие солнечные дни сменялись мягкими же ночами, но вот беда – юноша пресытился. Ему надоели и улыбочивые красотки, и ночные гонки на машинах. Он стал потихоньку убегать от друзей, стал, как поэт, прямо, бродить по диким, неприбранным улицам города один. И вот в одну из таких одиноких прогулок он забрел в маленькое кафе под кленами, совсем крохотное – на пять столиков.

К нему подошла официантка, он заказал кофе и стал ее разглядывать. Она заварила кофе в турочке – профессионально! – погрела турочку на горячем песке и подала напи-

ток. У нее была приятная внешность, и какая-то непробованная еще чистота.

– Посиди со мной, поболтаем, – предложил юноша.

– Нельзя, – улыбнулась девушка. Юноша был симпатичен.

– А когда можно?

– Тут вечером танцы, вечером можно.

Это было его первое свидание – танцы! Девушка не из «тех»! И никто не знает об этом!

Вечером он, как Гарун Аль-Рашид, ускользнул от друзей и пришел к кафе. Она тоже была тут.

Музыка была самая обычная для танцев, люди были тоже типичные (молодежь с окраин, да два алкаша – любители громкой музыки) – было одно ново – он и она. Они танцевали, он держал ее худенькое гибкое тело и чувствовал: она – его женщина. А она понимала это через его руки и молча соглашалась с ним: «Да, я твоя женщина, а ты – муж мой».

– Я схожу переоденусь, – сказала она в паузе.

– Нет, не ходи, не хочу, – ему скучно было оставаться одному с другими, ему не нужны были другие.

– Я хочу переодеться, – сказала она гордо – девушка становилась женщиной.

– У тебя будут магазины платьев, горы до небес, но я ждать не буду. Если ты уйдешь, я возьму вон ту шлюху, – сказал он зло.

Она быстро посмотрела ему в глаза и ушла. Он стиснул

челюсти, набрал номер, через секунды подъехал автомобиль, и его увезли.

В машине приятель неуклюже пошутил насчет кафе, откуда они отъехали – и получил в зубы:

– Не смей шутить без моего приказа, – сказал юноша, он становился «хозяином».

Прошло много лет.

Как то на берег маленького, прозрачного до дна озера, питаемого крошечным ледяным ключиком, приехало две компании отдыхающих – разные люди. Одни заняли весь пляж: заставили его столиками, мангалами, машинами – разной ерундой, другие, на противоположном берегу, тоже расположились с размахом: у них был и тент, и сетка для волейбола, и, конечно же, мангалы и столики. Играла музыка у тех и у других, дымились угли, пищали дети, и периодически покрикивали мужчины.

От одной компании к ключу за водой пошла женщина, а от другой, тоже к ключу, но просто

для разминки пошел мужчина. Они встретились, равнодушно посмотрели друг на друга и замерли. Они узнали: он – ту девушку, она – того юношу.

Потом их окликнули, и они пошли, каждый к своим, но ушли их тела, а души продолжали стоять, замерев и ожидая, кто скажет первым. Но никто не начинал.

Компании давно разъехались, темнело, а души юноши и девушки продолжали стоять над ключом. Из души девушки в ключ, и без того ледяной, упала прозрачная слеза – ключ закипел и утих. Из души юноши тоже упала слеза, но горькая и тяжелая. Ключ взревел и вдруг стал бить мощной струей, размывая породу и неся песок через озеро в реку и дальше к океану. Так появилась Желтая река. Она берет свое начало в расселине между двух скал – одна струя, чистая и ледяная смешивается с другой – мутной и полной песка. Песок этот золотиносный. Старатели годами моют золото на берегах Желтой реки и говорят, что золота там – конца не видно, и шепотом добавляют: «Когда «они» помирятся – золото кончится».

– А они помирятся? – спросила Анна, ей казалось, что небо густеет и вваливается синим прибоем через круглое отверстие в комнату. А где то вдали виднелись паруса облаков, плывущих по Желтой реке.

– Когда девушка перестанет ронять слезы.

– И когда же? И какие женщины не плачут?

– Не плачут королевы или богини, но вы думаете, они все в прошлом? Вдохните аромат времени – теперь время героев – богов сошедших на землю, или людей поднявшихся до небес.

Вам следует вспомнить – как вы летали. Вы хотите этого?

– Да, – сказала Анна, навсегда отрезая себя от прошлой

жизни.

Скажу вам вот что: творчество – капли воды, дрожащей на мраморном полу античного храма, постоянно меняющие очертания, сливающиеся друг с другом и исчезающие в щелях между плитами. Их мы видим, а дождя, который их создает – нет. Говорю я иначе, чем думаю, а пишу и вовсе, как иной – это загадка. Кажется, я так и не соберусь нарисовать портрет Анны – придумайте сами, или возьмите готовый из журнала. Может, наши вкусы разные.

– Там стоят датчики движения, – сказала Анна, заглядывая в проем стены.

Незнакомец расстегнул пальто и вынул из-под старой жилетки свернутую ткань, густо обшитую черными пластинками.

– Это переделанный экран солнечной батареи – отлично поглощает излучение. Просто держите его, будто мы понарошку прячемся от детей, и пойдём.

Они развернули экран и занырнули через лаз в соседний кабинет.

«Тебя арестуют и посадят», – пискнул на прощание в ее голове прежний голосок.

«Ты смешишь меня – и некстати – я, кажется, порвала колготки», – перебил его новый голос, привыкший повелевать. Голос был как будто знакомым, из снов – ему верилось.

...

Что происходило в кабинете Петра Ильича, Анна запомнила, но, как сон, и рассказать мне толком не могла. (Сны – плохой повод для рассказа, личное невыразимо.) Во-первых, что она видела? Уверенную спину незнакомца и плотную ткань экрана, за которым они, прячась, шли гуськом к сейфу, стоящему в мрачно насуспенной глубине кабинета. Незнакомец все время непринужденно, в полный голос делал замечания по поводу интерьера – его смешили и уютный торшер возле диванчика: «Тут он размышляет в одиночестве!», и обилие книжных шкафов с пугающе толстыми фолиантами: «Да он искушенный читатель!», и могучее, посверкивающее роскошным гляncем, кожаное кресло: «Сидячая работенка – сидячий образ мыслей».

Дойдя до сейфа, незнакомец попросил Анну держать покрепче экран, а сам занялся замком.

– Цифровые замки отличная штука – выглядят внушительно и вселяют надежду, а главное, не нужно подбирать отмычку – считываешь набор цифр томографом – и открываешь... Да, неслабо набил мощну Петр Ильич, даже неприлично – столько денег в одном месте.

Анна заглянула в сейф через плечо незнакомца – штабеля плотных денежных пачек лежали равнодушно спокойно – им было абсолютно все равно: кому принадлежать и что делать.

Странно, но деньги ее уже не интересовали.

– Давайте, поможем экономике – понизим инфляцию, вот премьер обрадуется, – весело сказал незнакомец, вынимая осторожно крохотный пузырек с какой-то зеленоватой жидкостью. Он открыл его, побрызгал «химией» поверх денежных пачек, и Анна с удивлением увидела, как бумага стала раскисать, течь сопливой кашей – минута, и вместо денег были только металлические, чистенькие полки. Сейф стал пустым.

– А это – на память о друзьях, – сказал незнакомец и аккуратно положил на среднюю полку сейфа стеклянный протез человеческого глаза.

Они вышли из комнаты тем же манером. Анна ничего не понимала, да и не хотела – она была занята другим – что-то новое, могучее, красивое и, одновременно, древнее росло в ней. Ее внутренний голос – голос ума – изменился, он окреп, он повелевал; ее душа, до того мятущаяся и сомневающаяся, вдруг стала космически свободной, не понимающей все прежние метания и страдания; Анне казалось, что сама кровь в её жилах течет не по законам физики, а как вздумается, как ручьи талого снега в половодье.

– Что теперь? – спросила она, когда они вновь оказались в кабинете главного редактора с дырявым окном. «Ну и ду-

рочкой же я была, когда думала разное о нем, (ведь чуть ли не о сексе!), ну и человечком же я была».

– Надо уходить, – незнакомец небрежно выбросил геликоптер за окно, и тот полетел между конструктивистскими, угловатыми домами.

– Поскольку не в наших правилах повторяться, мы уйдем не через вход. Разрешите, я помогу вам?

Анна царственно кивнула. Незнакомец, чуть приклонив колено, подхватил ее на руки, подошел к окну и швырнул в голубой круг, прорезанный в стекле.

Она падала или летела – все равно. Страх не было. «Хлоп» – крыша «маркизы» пружиня, приняла первое тело, «хлоп» – а вот и второе. Они съехали на тротуар. «Я помню, что так не бывает, что тут и «маркизы» – то не было, но теперь – можно всё».

– Я предлагаю отобедать, только, кто будет платить? – незнакомец с легкой иронией смотрел ей в глаза, – Может, попробуете вы? Начинать пора.

Анна поняла его.

– Хорошо, – она засмеялась одними глазами. «Как же тебя зовут? Я, кажется, вспоминаю...»

Тем временем Петр Ильич, решил навеститься в свой кабинет – хотелось не спеша разложить деньги по конвертам.

Он раздал поручения «ближним» – референтам, охране,

адвокатам – и тяжело отдуваясь (он был полный мужчина, вдобавок, перекусил только что печеным гусем с черносливом, и гусь плохо улегся в его желудке – толкался и издавал звуки), отпер дверь своего кабинета и направился к сейфу. Но он сделал только пару обычных, «деловых» шагов – он увидел открытый сейф – ноги вдруг стали слабыми, как макарены, захотелось сесть на пол, и даже спрятаться под этот пол. Его поразило не отсутствие денег – что деньги! такими деньгами Петр Ильич мог запросто и десять сейфов набить – нет, стеклянный глаз, который смотрел на него из пустого сейфа – вот, кто смертельно напугал олигарха. Кое-как он дополз до сейфа, взял глаз на ладонь и секунды смотрел в искусно выполненный зрачок. Вдруг глаз начал светиться...

Чтобы вы не сочли меня сумасшедшим, я поделюсь с вами одним секретом, а именно, секретом под названием: «Стеклянный глаз семерых».

Это дело началось, да и было отправлено в архив в самом начале девяностых, в прошлом столетии. Из алмазного фонда России непонятным образом исчезли бриллианты на сумму четыреста миллионов долларов – не мало! Работников фонда допрашивали – да толку не было – и что допрашивать-то, когда всех входящих и выходящих в секретные помещения чуть не рентгеном просвечивали и догола раздевали. Мешала следствию и всеобщая суета, которая тогда

была и на улицах и в головах. Девяностые – время легенд и тайн... Вынести такое количество бриллиантов никакой возможности не было, но их вынесли. А делалось это так. Группа молодых людей, воспитанных в идеалах гуманной справедливости и приятного, светлого будущего (не для всех, так хотя бы для удачливых), вытянув спички, определила дальнейшие шаги. Тот, кто вытянул надломленную, добровольно пошел на операцию – ему удалил глаз один мающийся без денег хирург, да заодно направил к протезисту – остальная шестерка готовилась.

Одноглазый молодой человек, имея блестящие характеристики из райкома, устроился в фонд огранщиком (а он и был ювелиром – удачно совпало). Каждый день, приходя на работу, одноглазый вынимал протез, отклеивал пластинку с роговицей и зрачком, набивал глазницу бриллиантами, вставлял пластинку, а лишнюю круглую стекляшку перемалывал в мельнице на абразивную крошку. Дома же друзья вручали ему новенький протез. Сколько бы он так ходил – не знаю, но у него вдруг начались сильные боли в затылке, и буквально за пару недель он иссох и угас. Помер.

Оставшиеся шестеро друзей, обладатели крупного по тем временам состояния, похоронив товарища, дали клятву: да послужит это богатство на благо народа! Для того, дескать, оно и вынуто из хранилища, где лежало мертвым грузом. Они капитально поучаствовали в приватизации, при этом первоначальная сумма утроилась, потом, как танки, подмя-

ли ряд компаний помельче, а потом уже занялись благом народа – дали рабочие места и право на кредит.

Одним-то из этой шестерки и был Петр Ильич.

Пока я рассказывал вам историю об умыкании бриллиантов, глаз на ладони Петра Ильича

загорелся совершенно нетерпимо ярким светом, Петр Ильич хотел было спрятать его куда подальше, и даже поднес левый кулак с зажатым в нем глазом к подбородку, раздумывая, но ничего не успел – глаз взорвался. Шутник минер ли так рассчитал, или комплекция Петра Ильича тому способствовала, только от взрыва помещение почти не пострадало (только томик Тургенева выпал из шкафа и раскрылся на «Отцах и Детях»), а вот у Петра Ильича оторвало голову, крутя, как баскетбольный мяч, перенесло через кабинет (потолок при этом был сильно попачкан) и «прикольно» установило поверх торшера. Тело без головы сделало, агонизируя, несколько шагов, уселось в рабочее кресло, взяло в правую руку «паркеровскую» ручку и чиркнуло на листе бумаги: «Одобряю». И голова с вытарашенными глазами на торшере, и тело за столом представляли просто «живую» иллюстрацию к «Органчику» Щедрина, так, во всяком случае, сказала главный редактор – начальница Анны – а она-то уж была дама с пониманием.

Следующие два часа в кабинете Петра Ильича творилось невообразимое: все работники двух сливающихся холдингов

фотографировались «на память» кто с головой на торшере, кто с туловищем. Дамы предпочитали туловище. Толкучка была, как на открытии модной галереи, и только одна, самая сдержанная сотрудница, пристыдила коллег:

– Люди, у вас Тургенев на полу лежит, хоть бы кто нагнулся!

Анна услышала хлопок от взрыва и краем глаза заметила вспышку света в окне.

– Невинных жертв быть не должно, – утвердительно сказала она.

– Да, Немезида требует кары только для тех, чья вина признана всеми. Кстати, о невинных жертвах. Все порядочные государства тратят титанические усилия на борьбу с этой гадостью – организацией невинных жертв, но её «пауки-финансисты», ткущие свою липкую паутину, сидят по норам и чувствуют себя в безопасности. Вам надо заняться ими.

Незнакомец протянул ей флакончик с духами. На этикетке была надпись: «Лунное безумие».

– Удачная находка моего приятеля химика – духи эти вызывают стойкое помешательство – нюхнувший их, становится полностью тем, кто он есть по сути своей, например, червяком...

Или богиней.

Они зашли в очень дорогой ресторан, незнакомец сделал

внушающий уважения заказ, они ели, но пища не отяжелела её, а наслаждала, они пили, но вина её не пьянили, а приносили радость.

– Я пойду, – сказал он, – вон та пара, чересчур надменная – герцоги Йоркские скромнее.

Она кивнула ему и подозвала официанта.

– Видите тех людей? У них, у дамы в сумочке, в коробочке зачем-то спрятаны тараканы. Зачем – не знаю, но вас предупреждаю.

Официант пулей помчался в «служебку», оттуда тут же выскочило трое крепких мужчин, и надменная пара была аккуратно выпровожена на улицу. К ней подбежал маленький толстячок

и, прижав руки к груди, театрально воскликнул шепотом:

– Вы спасли мою честь, честь заведения! Там сидят проверяющие – дегустаторы, и я не знаю, что бы было со мной, если бы тем двум негодьям удался их план! Ваш обед – за счет заведения, даже не спорьте. И бутылочку вина в подарок – вы какое предпочитаете – белое, красное?

Пока она ждала толстячка с подарком, как любой женщине, ей захотелось взглянуть на себя – просто так. Она достала из «косметички» зеркальце и посмотрела. Из зеркала на нее смотрело незнакомое еще, небесно прекрасное лицо Дианы-охотницы с глазами цвета вечернего моря. Зрачки были

квадратными.

Когда Диана рассказала мне эту историю, она сказала:

– Теперь напиши ее. Получится – угощу тебя яблочками.

И она ласково потрепала меня по загривку. У меня по шкурке мурашки побежали. Я преданно прижался пяточком к ее божественному колену и хрюкнул от счастья. Теперь печатаю – хочется почавкать яблочками – неудобно только по клавишам бить копытцем.

...

Оперуполномоченный Мокрушинского РОВД Иван Пуговицын (ударение в этой фамилии плавающее – оно ставится в соответствии с воинским званием носящего так, что когда наш герой получит погоны полковника, ударять нужно будет на последнюю гласную) был оперативником «неправильным», не таким, каким привыкли мы (благодаря сериалам) представлять оперативных сотрудников криминальной полиции. Стрелял он безобразно криво, но попадал, хотя все время норовил пистолет держать по-ковбойски у бедра, а попробуй-ка попасть из нашего пистолета, даже с упором «лежа» вот в это ведро с десяти шагов – то-то же, а еще ракетчиков ругаем. Был он толстоват для оперативника, и худеть, несмотря на уговоры телеведущих, не пытался, а наоборот все время что-то жевал. Даже на утренних оперативках полковник Самарай постоянно делал ему замечания, дескать,

он своим жеванием сбивает весь ход умственного следствия. «Невозможно поговорить спокойно, без эмоций о нашем не по-христиански убитом, Пуговицин, все из-за вас нервничают, а нам еще изнасилование в шахматной школе обсуждать». Например, любил Пуговицын бутерброды с маслом, колбасой и селедкой – странно, да? А носки в полосочку – не странно? Дела свои он вел тоже странно, полагая преступников людьми необыкновенными, и ища, прежде всего, в круге подозреваемых тех, кто был хоть чем-нибудь примечателен – хотя бы подозрительно кустистыми бровями или наглого цвета рубашкой. Диво дивное, но метод работал – а как его в отчете отобразишь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.